

Каждый пишет, как он дышит

«Двойные» вернисажи, когда одновременно или с разницей в день открываются новые выставки, стали традицией в выставочном зале Союза художников. Чем вызвана такая очередность, трудно сказать. Но отношение к подобным «дуплетам» у меня двойственное. С одной стороны – негативное: когда оба бенефицианта (а выставки эти, как правило, персональные) вполне обоснованно рассчитывают на внимание к себе и своему творчеству, гостям и официальным лицам приходится разрываться между залами. С другой стороны – положительное: в том случае, если, пробежав глазами по стенам, понял, что на этом празднике ты чужой, есть возможность отдохнуть душой в зале соседнем. Вернисажи, состоявшиеся в канун Сретенья, прошли по варианту номер два.

РАЗ – ПОДСОЛНУХ, ДВА – ПОДСОЛНУХ...

Скользнув взглядом по представленным в двух небольших залах полотнам супругов Аркадия и Елены Пивень и мысленно констатировав: «Чистенько, но без изюминки», я совсем уж было собралась покинуть помещение, как что-то меня остановило. Прошлась вдоль картин еще раз, пытаюсь вычлениить это «что-то», и оторопела. Вам когда-нибудь встречалось на одной персональной выставке шесть одинаковых полотен? Нет? Рекомендую заглянуть по известному адресу.

Оговорюсь в предчувствии обвинений в предвзятости – подсолнухи я люблю страстно. По этой причине первый натюрморт – маленькие солнышки в плетеном лукошке, рядом пара глянцевобоких яблок – заставил по-доброму улыбнуться. Но рассмотрев на противоположной стене отражение только что увиденного (с той разницей, что яблок было не два, а семь), я несколько смутилась. Им соседствовали просто желтые полевые цветы (микрподсолнухи) в том же лукошке, с теми же яблоками. А чуть поодаль – тот же фон, та же плетеная корзинка, но уже ромашки (подсолнухи наоборот). Забежала в зал по соседству – о, и здесь старые знакомцы! На одной стене – подсолнухи (те же самые!) на фоне лоскутного одеяла, на противоположной стене – как в известном анекдоте: те же яйца, вид сбоку.

Создалось впечатление, что Елена Николаевна Пивень, автор сих цветочных шедевров, то ли сознательно решила растиражировать собственные работы, то ли, не мудрствуя лукаво, сидя на даче (на плэпере, как любят говорить художники), каждый день писала одно и то же – моделью служило то, что на столе перед

ней стояло. Завял букет, от яблок остались одни огрызки – не беда, лето щедро на подобные дары. Штампуются подсолнух за подсолнухом – вот тебе и выставка набегала. Да не какая-нибудь – персональная.

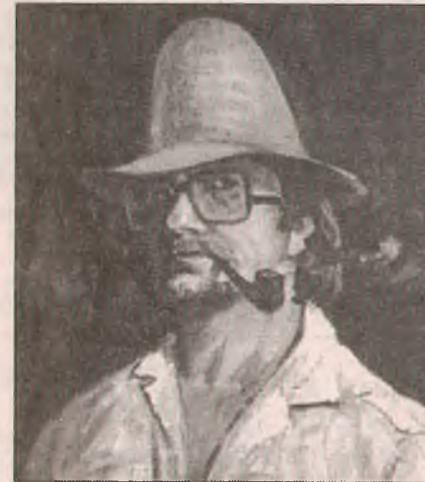
На фоне этого цветочного беспредела остальные работы (церкви, дамы в кринолинах) блекнут и теряются: по цветовой щедрости трудно переиграть солнечного почитателя. Заставляешь себя взглянуть на эти полотна лишь по одной причине – в прайс-листе каждый шедевр оценен от 10 до 32 тысяч рублей. Немалая плата за «удовольствие», какое наверняка испытаете, если приобретете оригинал, а придя в гости, натолкнетесь на его двойника. Сомнительная «персоналка» получилась, но с отменным вкусом к дензнакам, надо отметить.

«Я – ВОДЯНОЙ, Я – ВОДЯНОЙ...»

В отличие от мультяшного героя, с которым нико не хотел водиться, художник Владимир Литвинов окружен и дружеской любовью, и зрительским признанием. А ассоциация с водяным возникла потому, что подавляющее большинство работ Литвинова в той или иной степени посвящено воде. Крошечный ручеек или сливающаяся с горизонтом водная гладь, быстрый поток или безмятежный сон лесного озерца, наконец, просто лужи, в которых отражается небо после дождя, – вот всегдашние спутники музыки Владимира Литвинова. А как же восприимчивость природы, спросите вы. Что – одному можно, а другому нельзя? Все дело в том, что один и тот же пейзаж можно писать бесконечно, что с успехом и делает Владимир Литвинов. Но каждый раз из-под его кисти выходит совершенно новая работа – изменилось настроение художника, по-другому проглядывает сквозь кучевые облака солнышко, ветер буравит спокойную еще полчаса назад гладь воды. Природа – та же, но картина – иная.

Путь Литвинова к живописи был необычен. Он закончил Московский физико-технический институт, защитил дис-

сертацию и только-только было утвердился в мысли, что математика – его призвание (даже начал преподавать в Демидовском университете), как судьба буквально за ширку вытянула Литвинова из науки. Подробности этого кульбита, подарившего нам прекрасного, тонкого, удивительно одаренного художника, со вкусом смаковали гости праздника.

Такого доброго веселья на серьезном на первый взгляд мероприятии в выставочном зале не было уже давно. И хоть пытались мастера мольберта сохранить «лицо», говоря о том, что занятие живописью нынче дорого – «краски, холсты, рамы, транспортировка, буклеты...», но тут же чей-то голос добавил: «...и банкеты!», напроць сведя на нет все усилия удержаться в рамках официоза. Согласитесь, на паркетном, для галочки в отчете мероприятии так хохмить не станут. А уж коли тебя искренне любят и так чувствуют коллеги по цеху – это ли не свидетельство действительного признания?

Я давно искренне симпатизирую Литвинову-человеку и восхищаюсь Литвиновым-художником. Его работы столь откровенны, столь эмоционально одарены, что от знакомства с его творчеством в душе зажигается и долго-долго не гаснет огонек тепла. «Своеобразным дневником, куда заносится все самое сокровенное», назвала картины мастера искусствовед Татьяна Кравчук. С той только разницей, что прочитать этот дневник может любой желающий.

Лариса ДРАЧ.